

Военное
детство

ЕВГЕНИЙ ЛЕСНИКОВ

Призыву по возрасту не подлечит

с 1933 г.

Военное детство

ЕВГЕНИЙ ЛЕСНИКОВ

Призыву по возрасту не подлежит

Издательство «Детская литература»

1981

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лесников Е. Д.

Призыву по возрасту не подлежит / Е. Д. Лесников —
Издательство «Детская литература», 1981 — (Военное детство)

ISBN 978-5-08-007446-2

Автор повести «Призыву по возрасту не подлежит» Евгений Дмитриевич Лесников (1928–1982) рассказывает читателю о подростках, не просто выживающих в суровые годы, но и воюющих за родной город Сталинград. Четверо друзей из одного двора смогли пройти тяжелые испытания, которые принесла им Сталинградская битва. Их судьбы оказались крепко переплетены с судьбой города на Волге. Но самое главное, несмотря на ужас, который происходил вокруг, они остались людьми и не потеряли человечность. Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-007446-2

© Лесников Е. Д., 1981
© Издательство «Детская
литература», 1981

Содержание

Тайник купца Прохорова	6
Рекс	14
Юлька-«активистка»	20
Лева	27
Танцы	31
Тайник открылся	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Евгений Дмитриевич Лесников
Призыву по возрасту не подлежит
Повесть

* * *

© Пушкарева Е. В., наследники, рисунки, 1981

© Клепаков А. И., рисунок на переплете, 2025

© Оформление серии. АО «Издательство „Детская литература“», 2025

* * *

Тайник купца Прохорова

Климовы переезжали на Смоленскую улицу в новую квартиру. Екатерина Николаевна, Димкина мать, вечером постирала белье, а утром оно было серым от пыли. Складывая белье в таз, она ругала «царицынский дождь», как называли здесь пыльные бури, а заодно и поругивала мужа, который ушел за машиной и как в воду канул. Вещи давно собраны и уложены, делать было нечего, и Екатерина Николаевна, не зная, к чему приложить руки, покрикивала на всех, кто попадался ей на глаза.

Первым понял настроение хозяйки Рекс. Он выскользнул за дверь и забился под крыльцо, где даже в самую жару земля была влажной и прохладной. Вслед за Рексом улизнул и Димка.

– Отца поищи! – крикнула ему мать.

– Ладно! – отозвался он, выходя на улицу.

За калиткой огляделся. Кругом знакомая картина: небольшие домики и мазанки, прилепившиеся на косогоре, пыльные деревья, а дальше – Волга и блеклое небо над ней.

В переулке ни души, все попрятались от палящего солнца. Даже многочисленное собачье племя притаилось в будках.

Димка двинулся было вниз по переулку, но тут сзади него просигналила машина: приехал отец с грузчиками.

Мальчишка взялся было помогать таскать вещи, но только путался под ногами, и его прогнали. Тогда он попросил у матери разрешения проститься с товарищами.

– «Товарищи», «товарищи»! – по привычке заворчала Екатерина Николаевна. – Ладно, все равно толку-то от тебя! Иди, но смотри недолго!

Рекс хотел увязаться за Димкой, но мать прикрикнула на него, и он снова укрывся под крыльцом.

...Димка прибежал к дому, когда машина, натужно рыча, уже выезжала со двора. Она была загружена доверху. Блестело зеркало шкафа, качался фикус, отражаясь в этом зеркале. Растерянная, заплаканная мать сидела в кабине.

– Давай! – крикнул отец из кузова, протягивая Димке руки.

Он сильный, Димкин отец Максим Максимович, сильный и веселый. Ловко втащив сына наверх, обнял его за плечи, стиснул:

– Прощай, избенка наша!

В домике, маленьком и тесном, повизгивал Рекс: за ним придут потом, сейчас пока не до него. Грустно сидела у крылечка соседка тетя Поля, махала рукой.

И Димка, глядя с высоты на родное гнездо, вдруг пожалел его. Тесно было здесь, но зато и весело. Особенно по вечерам, когда в зеленом дворике собирались все жильцы. Они играли в лото, или читали вслух смешные рассказы Зощенко, или говорили о новостях. Никто не гонял мальчишек, и они, равные среди равных, слушали умные речи. «Ничего этого больше не будет!» – вдруг с горечью подумал Димка, и сердце его сжалось.

Машина остановилась возле старинного двухэтажного дома из красного кирпича. Дом окружала толстая каменная стена.

Екатерина Николаевна, хлопнув дверцей, неловко вылезла из кабины и растерянно посмотрела на мужа. Губы ее вздрагивали.

– Прибыли! – бодро сказал Максим Максимович, спрыгивая на землю.

Они вошли во двор, и Димке понравилось здесь: двор был тихий, зеленый, в глубине его – маленький флигель. Вдали, за забором, за кустами, еще какие-то здания.

– Пошли! – Отец распахнул высокую дверь парадного крыльца.

Димка смело пошел за ним. Широкая лестница, каменные ступени, дубовые перила. Внизу – две двери, одна против другой, наверху – еще две такие же двери.

– Раньше тут купец обитал, – тихо говорил отец, поднимаясь по роскошной лестнице. – Прохоров! Богатый был человек. А теперь трудовой люд живет вроде нас. А вот наша квартира... Прошу, граждане хорошие!

Он пошарил в кармане, вынул ключ и попытался отпереть замок.

– Открыто, входите! – крикнули из комнаты.

Они вошли.

В углу пустой гостиной на табуретке стоял коренастый человек в светлом парусиновом костюме и ярко-желтых ботинках. У него острый бегающий взгляд, усики, черная «бабочка» под накрахмаленным воротником рубашки.

– Вы кто? – строго спросил Димкин отец. – И что вы здесь делаете?

Человек прыгнул с табуретки. Димка заметил, что у него очень длинные, какие-то загибающиеся руки. Быстро оглядев широкоплечего Максима Максимовича, незнакомец улыбнулся:

– Пардон, с кем имею честь?

– Я хозяйка квартиры! – сердито сказала Екатерина Николаевна. – А это мой муж!

– Значит, хозяева? – Мужчина нахально посмотрел на Димкину мать. – А я – из домоуправления! Квартиру осматриваю, все ли в порядке! – Он вытащил какой-то листок, помахал им и опять спрятал в карман. – Так что жилье в чистоте принимаете, чтобы и дальше так было, ясно? Мы будем контролировать!

Последние слова он сказал уже в дверях и скрылся, забыв про «до свидания».

– Брр, неприятный тип! – поежилась Екатерина Николаевна. – Даже настроение упало.

– Не стоит из-за пустяков расстраиваться! – сказал отец. – Давайте вещи таскать!

Когда вещи кое-как распихали по комнатам, хозяева неторопливо еще раз обошли свою квартиру. Димка впервые видел такие хоромы и восторженно таращил глаза на лепные карнизы, на головки амуров в углах гостиной. С потолка, из переплетенных цепей, на него смотрел Прометей. Широкое скуластое лицо его было искажено брезгливой гримасой и смахивало на разбойничью физиономию какого-то атамана.

– Силен? – спросил отец.

– Ага! – кивнул Димка. – А чего он морщится?

– А ему противно эту штуку в зубах держать! – усмехнулся Максим Максимович.

В зубах титан действительно держал позеленевший крюк, на котором раньше висела лампа-«молния». Теперь его обвивал электропровод с пустым патроном.

– Безвкусица, – качал головой отец. – И Прометей, и амурчики эти...

– Ладно, критики! – устало сказала мать. – Давайте устраиваться!

Из гостиной они перешли в комнату, отведенную Димке. Комната была небольшая, но уютная, с двумя окнами во двор.

– Хорошо! – сказал довольный мальчишка. – Спать буду у окошка!

– Ну да! – испугалась Екатерина Николаевна. – Второй этаж!

– Ну и что же? – заступился за него отец. – Взрослый парень!

– Взрослый! – Мать насмешливо посмотрела на сына – лохматого, загорелого, курного: ничего взрослого не было в лице его и угловатой нескладной фигуре подростка.

Обиженный Димка засопел.

Потом разгорелся спор из-за третьей, совсем крохотной комнатки, похожей на монашескую келью. Максим Максимович намеревался приспособить ее под кабинет, а Екатерина Николаевна облюбовала келью для своих хозяйственных нужд.

– Не велик барин, – весело говорила она, блестя ровными зубами. – Всего-навсего инженер! А туда же – кабинет ему подавай! Я – главный врач больницы, и то помалкиваю! Так что тихо, мужчины, не пыхтеть и слушаться меня! Тащите этот сундук в Димину комнату!

Максим Максимович мигнул Димке, и тот уселся на сундук. Рядом плюхнулся отец.

– Бунт? – весело спросила мать и прищурилась. – Ладно, бунтуйте, а ужин я готовить не буду!

Она вышла на кухню.

– Ну и не готовь! – крикнул Димка в дверь. – И обойдемся! А ты отдай папе комнату, поставь мою кровать у окна!

Екатерина Николаевна загремела посудой.

Отец с сыном переглянулись и прыснули.

– А хороший был бы кабинетик, – тихо сказал Димка, подталкивая отца локтем.

– Хороший, – хмыкнул Максим Максимович, косясь на дверь, из-за которой доносился гром посуды.

– Давай зайдем, пока мама там, – предложил Димка.

– Ага! А потом попадет за самоуправство! – покачал головой Максим Максимович, но глаза его, синие, ясные, как у Димки, смеялись.

– Не бойся, – успокоил сын. – Не попадет. Поставим ее перед фактом. И потом, нас же большинство! А?

– Ладно, – сказал отец. – Только тихо!

Потихоньку, полегоньку втащили они в кабинет отца письменный стол и кушетку. Максим Максимович оглядел комнату:

– И для книжного шкафа место осталось. А на стол мы поставим лампу с зеленым абажуром – будет замечательно!

Димка подошел к окну, которое выходило во двор. Куст сирени легонько постукивал в стекло, как бы просился в гости. Димка распахнул окно. Во дворе была тишина, только верхушки кленов раскачивались, напоминая о пыльной буре. Стены дома, забор возле флигеля, кусты и деревья надежно защищали двор от ветров. Около флигеля росли кусты сирени, а между ними была разбита клумба. Вдоль веранды, увитой диким виноградом, выстроились яблони. Пахло мятой и цветами.

– Хорошо! – оглянулся мальчишка.

Отец подошел, обнял его за плечи,дохнул в ухо:

– Хорошо, Димка!

В комнату заглянула Екатерина Николаевна.

– Управилась, голубчики? Распорядились? – спросила она.

Голос ее прозвучал строго, а глаза смеялись. Димка понял, что мать совсем не сердится.

Павел Нулин, известный в уголовном мире под кличкой Пашка Нуль, имел веские причины побывать в квартире, которую заняли Климовы. Он разнюхал, что когда-то этот крепкий, как крепость, каменный дом принадлежал купцу Прохорову. После революции купец сбежал из Царицына, припрятав здесь кое-что из своих богатств. Насчет богатств Пашке сообщила Юлька-воровка, баба вздорная, болтливая, которой бы в другое время Пашка не больно поверил, но тут он нюхом почуял: Юлька не врет. Судьба тайника не на шутку взволновала жулика, который в последние годы «работал» по мелочам и давно мечтал о таком вот кладе, с неба свалившемся.

– Мне половину! – заявила ему Юлька, когда в своей полутемной, грязной комнатке жарким шепотом поведала Пашке о кладе купца Прохорова.

– Идет! – серьезно отвечал тогда Пашка и про себя добавил значительно: «А там поглядим, какую тебе долю отвалить...»

Пока одни жильцы выехали, а другие не въехали, Пашка основательно обшарил квартиру: ведь именно здесь, по утверждению Юльки, и был укрыт клад.

Пашка уже изругал последними словами «контру чертову», так крепко запрятавшую сокровища, и собрался было махнуть на все рукой, как внимание его привлекли головки амуров по углам комнаты. Хищный огонек зажегся в Пашкиных острых глазах, когда он начал методически осматривать да ощупывать каждую головку. Сердце его учащенно забилося: Пашка почувствовал, что он близок к разгадке тайника, но тут, совсем уж некстати, во дворе послышался шум мотора, и в квартиру нагрянули проклятые жильцы. Пришлось срочно прикидываться работником домоуправления и удирать.

Всю ночь Пашка не спал, распаяясь при мысли о золоте и брильянтах, которые были где-то рядом, под самым носом, и уплыли из-под рук. Конечно, амуров не только для украшения – это уж точно! Только бы найти точку, на которую нужно нажать или что-то там повернуть, чтобы распахнулся тайник, – Пашка уже слышал о таком. Он ясно представлял, как со скрежетом распахнется потайная дверца и покажется уголок обитого железом сундучка.

В комнате было душно, и Пашка вышел на улицу проветриться. Рассветало. Воробы встретили его оголтелым чириканьем. Утро приходило светлое, радостное, ничто не напоминало о вчерашней пыльной буре. Пашка, занятый своими мыслями, ничего не замечал. Он долго бесцельно бродил по улицам и не заметил, как очутился перед приземистым крепким домом, перед толстым его забором. Присел у калитки и, нахлобучив кепку, принял вид скучающего, праздного человека. Медленно текли минуты...

Хлопнула калитка, на улицу вышел Максим Максимович. Зашагал, чуть покачивая плечами. Пашка подождал. Кто-то еще шел к калитке, беззаботно напевая. Калитка опять хлопнула. Пашка посмотрел одним глазом из-под кепки. Вышла Екатерина Николаевна, ладная, невысокая, в светлой шелковой кофточке, в серой юбке. Напевая, прошла мимо Пашки. И тот, совершенно равнодушный к женской красоте, подумал неожиданно: «Красивая, зараза!» И злость одолела его. Он злился на этих людей, красивых и беззаботных, которые спугнули его в самую неподходящую минуту. Он злился на Юльку за то, что поздно пронюхала и сообщила про клад, он последними словами ругал весь белый свет, который мешал Пашке жить так, как ему хочется.

Оглядев улицу, Пашка проскользнул в калитку, быстро вошел в дверь парадного и поднялся по лестнице. Вот она, его заветная дверца, за которой спрятано брильянтовое счастье! Пашка потянул ее – захлопнуто. Замчишко так себе, но все равно нужны инструменты, а их у Пашки с собой не было. «Ладно, погодим!» – подумал он и, спустившись, толкнулся к Юльке. Та уже унеслась куда-то, и это еще больше распалило Пашку. «В такую рань усвистала, дура чертова!» – скрежетнул он зубами, зная, что при запое Юлька может не приходиться домой несколько дней.

Все же Пашка решил малость подождать. Он отошел в тень на противоположную сторону улицы, чтобы не мозолить глаза у дома, сел на скамеечку и со скучающим видом стал следить за калиткой.

...Юлька совершала утренний обход базара. Она шла лениво, изредка останавливалась и копалась в овощах и фруктах, разложенных на прилавках. Покупатели подозрительно поглядывали на нее, грязную и лохматую, спешили отойти. Торговки молча пододвигали к краю прилавка огурец или помидор, свеклу либо картошку. Юлька спихивала ладонью дань в свою объемистую сумку и двигалась дальше. Торговки, зная ее, не хотели с ней связываться: горластая нахальная Юлька могла затеять скандал и отпугнуть покупателей.

Похаживая между рядами, Юлька с удовольствием поддразнивала толстых торговков, делая вид, что хочет стащить что-то, и усмехалась, глядя, как испуганно закрывали бабы свои товары.

Сумка ее быстро наполнилась, и Юлька, вздохнув, отправилась восвояси.

У своего дома она увидела Пашку. Это ее встревожило: в такую рань Пашка никогда не являлся, предпочитая часы вечерние, темные. Значит, пришел он по спешному делу, а уж Юлька знала, какие могут быть у него спешные дела! Попыталась улизнуть в переулок, но Пашка уже приветливо помахал ей и, широко улыбаясь, двинулся навстречу. Такая улыбка тоже не предвещала ничего доброго, Юлька ждалась.

– Ничего куш отхватила! – добродушно сказал Пашка, кивая на набитую сумку.

– Иди ты! – огрызнулась Юлька, стараясь бочком прошмыгнуть в калитку.

– У меня к тебе разговор, Юлия Даниловна! – вежливо сказал Пашка, и от такой вежливости ее передернуло. Но Пашка, отвернув полу пиджака, показал бутылку вина, и Юлька подобрела, стала глядеть повеселей светлыми своими глазками.

– Заходи, только осторожно, после меня! – тихо сказала она, деловито пробегая в калитку.

– Учи ученого! – пробормотал Пашка.

Он оглянулся по сторонам – улица была пуста – и вошел следом за Юлькой.

С того дня, как Пашка был тут в последний раз, мало что изменилось в грязной Юлькиной комнате: тот же старый сундук, набитый тряпьем, топчан, на нем сальные подушки и серое одеяло. Посреди комнаты стол с неприбранной посудой.

– У вас уютно, Юлия Даниловна, – опять напугал ее Пашка своей изысканной, не сулящей ничего доброго вежливостью. – Знаете, такой живописный беспорядок – раздолье мышам и тараканам...

– Пошел ты! – лениво ответила Юлька, распечатывая бутылку. – Ну, зачем явился?

– Да вот... помощь твоя требуется, – начал Пашка, выпивая свой стакан и разглядывая его зачем-то на свет; стекло было грязным, залапанным, и он поморщился. – Нужно мне с твоими новыми жильцами познакомиться...

Юлька тоже выпила жадно и несколько минут посидела так, закрыв глаза. Пашка не мешал ей. Когда она снова открыла глаза, они были у нее повеселей, и голос звучал помягче. «Доходит до нормы», – определил Пашка и, не теряя времени, налил ей еще. Юлька выпила и стала совсем доброй, приветливой – с такой можно уже говорить о серьезном деле.

– Стало быть, познакомиться? – протянула Юлька, с большим сожалением посмотрев на пустую посуду. – С жильцами, да? Ах ты, ах хитрый! Не с жильцами, а с их квартирой! Разве еще не назнакомился?

– Да не успел.

– Ладно! Ты будешь знакомиться, а мое дело глядеть, чтобы не помешали. Так я поняла?

– Юлька, ты умница! Через полчаса я вернусь – и вперед!

– Вперед, – послушно кивнула Юлька. – Только уж прихвати еще «маленькую»!

– Ладно! – пообещал Пашка.

Он принес «маленькую», на радостях угостил Юльку, и ту совсем развезло – наверх поднималась едва ли не с песнями, – Пашка шипел на нее и делал страшные глаза.

Они поднялись на второй этаж. Пашка сунул отмычку в прорезь замка – дверь, тихо щелкнув, открылась, они вошли в прихожую.

– Стоп, а пацан? – вспомнил Пашка, и Юлька, шустро оглядывая вешалку и копясь в пальто и плащах, рассеянно ответила:

– Убег он, на речку!

Она сдернула пару рубашек, висевших на веревке:

– Как бы не пересохли!

– Ты! – Пашка вырвал у нее рубашки, проклиная себя, что напоил «чертову ведьму». – Ты зачем тут? Давай на площадку и следи там! А то я тебя!..

– Ну да! – совсем осмелела Юлька.

И едва Пашка шагнул к двери гостиной, как непоседливая помощница сунулась в какой-то шкаф, из которого, гремя, выкатились кастрюли да ведра.

– Холера! – зашипел Пашка и ткнул Юльку в бок.

Та потеряла равновесие и, падая, ухватилась за шкаф. Шкаф покачнулся, с полок посыпались горшки, банки.

– Ух ты, жертва коллективизации! – ощерился Пашка, пиная трезвеющую Юльку.

Дверь отворилась, и на пороге появился сонный, недоумевающий босой мальчишка с всклокоченными волосами.

...Димка крепко спал на новом месте, у раскрытого окна, под шум ветвей во дворе. Он проснулся от какого-то шума, грохота. Открыл глаза, огляделся. Яркое солнце заглядывало в комнату. В его лучах, медленно кружась, плавали пылинки. Солнечные зайчики смиренно лежали на полу.

«Моя комната, собственная», – подумал Димка, потягиваясь и нежась.

В это время что-то опять загремело в прихожей. «Отец Рекса привел!» – обрадовался Димка, вскакивая. Гром в прихожей сильнее, раскатистее – будто Рекс колотил посуду. Димка распахнул дверь и замер. На полу валялись банки и кастрюли. Рядом со шкафом стояли незнакомые мужчина и женщина и ошалело смотрели на мальчишку.

– Ты один? – спросил мужчина, тяжело дыша.

Димка попятился к своей двери. Мужчина стремительно шагнул к нему.

Рекс

Максим Максимович пришел на старую квартиру, чтобы взять Рекса и сразу вернуться домой, но соседка, тетя Поля, усадила пить чай. Пришлось отвечать на все вопросы, выслушивать все советы и только потом можно было уходить.

Когда они вышли в переулок, собаки, сгучающие в тени домов, с лаем бросились к Рексу. Пес только слегка повернул свою волчью голову, слегка оскалился – и разномастные мохнатые дворняги мигом скрылись за своими заборами и трусливо забрежали оттуда.

– Не обращай внимания, – сказал Максим Максимович. – Участь у них такая – облаивать народ из подворотен.

Рекс внимательно посмотрел в глаза хозяину: он все понимал и, как подобает породистому псу, чинно вышагивал рядом.

Однако возле Астраханского моста Рекс не выдержал и потянул хозяина к реке. Максим Максимович дернул за поводок, но пес, повизгивая, тянул к воде.

– Купаться захотел? – проворчал Максим Максимович.

Рекс вильнул хвостом.

– Ох, разбаловал тебя Димка! – Максим Максимович погрозил Рексу пальцем. Посмотрел на блеклое от зноя солнце, вытер платком лоб. – Ладно! Пошли, окунемся!

...Когда Пашка шагнул к Димке, мальчишка отпрянул, выскочил в свою комнату и толкнул задвижку. В ту же минуту на дверь навалились, задергали, застучали. Димка затаил дыхание. Удары прекратились. Он прислушался. В прихожей тяжело дышали. «Ищут, чем сломать», – понял Димка и заметался по комнате. Подбежал к окну: во дворе ни души.

«В мышеловке!» – понял он и подумал: «Откроют жулики дверь – бежать некуда.». А то, что это жулики, Димка понял сразу. Он открыл окно пошире, влез на карниз и в нерешительности остановился. Дверь затрещала под ударами. Раздумывать было некогда. Димка ступил на узкий карниз, потом осторожно двинулся к водосточной трубе, держась за край подоконника. Нога еле стояла на карнизе, спина взмокла. Никогда не думал Димка, что такой далекой кажется земля, если едва держишься на карнизе и того гляди загремишь вниз. Пока он держался за подоконник, передвигаться было полегче, а когда выпустил его край, показалось, что карниз стал еще уже, а пальцы, цеплявшиеся за стену, вот-вот сорвутся. Наконец он ухватился за ржавую водосточную трубу, передохнув, спустился, побежал по Нижегородской. Тут его окликнул отец. С удивлением смотрел он на сына: тот с головы до ног в рыжей ржавчине, руки исцарапаны, на щеке кровавая полоса.

– Скорей... там!.. – бросился к отцу Димка, и Максим Максимович понял, что произошло что-то страшное.

Без лишних слов трое побежали к дому, впереди мчался Рекс.

– Стой! – Димка схватил отца за руку, едва они вбежали во двор. – Там – жулики!

– Ничего! – пробормотал Максим Максимович, вырывая руку и прыгая через три ступеньки.

Димка еле поспевал за ним. Но первым у двери оказался рычащий Рекс. Отец рванул ручку и без раздумий вошел за порог. За ним с опаской прошмыгнул Димка.

В прихожей как после погрома: валяются кастрюли и горшки, пол усыпан черепками, шкаф раскрыт. Рекс принюхивался к чему-то на полу и рычал, шерсть на его загривке вздыбилась.

– Сбежали, – разочарованно и вместе с тем облегченно протянул Димка. – Пап, спускай Рекса! Он по следу их найдет!

– Погоди, – проговорил Максим Максимович, оглядываясь. – Ничего не понимаю... Зачем лезли? Если обворовать, к чему такой погром?..

– Тот лез, который из домоуправления, – сообщил Димка.

Отец посмотрел с недоверием:

– Ты не ошибся?

– Не! Он был в другом пиджаке, а ботинки те же, что и вчера – желтые... С ним тетка была... Ее не разобрал. Вроде пьяная...

– Из домоуправления? Странно. Ну что ж, это можно проверить.

Максим Максимович прошел в комнаты – все вещи были на месте.

– Странно, – еще раз повторил он и на предложение Димки пустить по следу Рекса ответил: – У нас же ничего не пропало... Никому мы ничего доказать не сможем... К тому же Рекс давно по следу не ходил, мало ли что... Искусать может... Ну, мне пора! Ты тут наведи порядок и никого не бойся. Может, это так, пьяницы какие-то забрели. Сам же говорил, что тетка пьяная... В общем, больше не бойся!

– А я и не боялся! – ответил Димка, с удивлением вспоминая происшедшее и отмечая, что он действительно не испугался: видно, не успел.

– Ты у нас герой! – Отец хлопнул Димку по плечу. – Смотри маме ни слова! А то будет переживать!

Собирая в ведро битые черепки, Димка думал: «Почему, когда остаешься один, всегда не по себе, а если с кем-нибудь, то ничего!» – и гладил Рекса, который с недоумением исследовал каждый угол нового жилья и повизгивал, как щенок, не находя привычных вещей на привычных местах.

– Ничего, – сказал Димка. – Привыкнешь!

Родители пришли рано.

Мать занялась кухней, отец – замками. Он быстро вставил один замок, внутренний, пощелкал им и подмигнул Димке:

– Как?

– Хорошо! – сказал сын. – Теперь давай английский!

– Да вы что? – покачала головой Екатерина Николаевна. – От кого запираются вздумали, купцы Прохоровы?

Отец с Димкой значительно переглянулись, и Максим Максимович сказал серьезно:

– Да примета такая есть: в новой квартире нужно вставить новые замки – на счастье!

– Ну, раз примета... – хмыкнула мать и пошла на кухню: дел у нее полно, работы по горло. Она возилась с кастрюлями, напевала и совсем не походила на того строгого доктора, которого Димка видел в больнице и к которому с таким благоговением обращались взрослые солидные люди.

– Поет! – кивнул отец. – Это лучше, чем ворчать, верно?

– Верно, – с удовольствием ответил Димка.

То же самое мог бы сказать и Рекс: он любил, когда хозяйка поет. Тогда можно и поиграть с Димкой, не опасаясь получить веником по спине.

Отец с удовольствием возился с дверью: он вывернул шурупы и снял старый английский замок, а на его место начал прилаживать новенький. Замок, однако, никак не прилаживался.

– Черт возьми, – пробормотал отец. – Велик! Надо бы мне тот, маленький, купить!

– Давай сбегая и куплю! – предложил Димка, отец взглянул на часы:

– Поздно!

Решили оставить дверь пока так, с дыркой, и мать, выглянув из кухни, досыта посмеялась над ними:

– А еще инженеры! Умельцы!

– Ладно, – сконфуженно отвечал отец. – Давай лучше помогу тебе вещи передвигать!

Димка взял Рекса и отправился исследовать двор.

Со двора дом казался низким, приземистым, будто вросшим в землю, и еще больше походил на крепость. Высокий забор, отделяющий его от улицы, мрачная стена старой школы напротив, в глубине двора, узкие окна нижнего этажа – все создавало впечатление силы и неприступности. Димка понял, что именно такой дом и должен быть у купца, который имел тут и магазин, и склад.

Как опытный военачальник, Димка сразу определил и уязвимое место: низенький заборчик, отделяющий двор от школы. Увидев в дальнем углу кучу старого кирпича, Димка решил укрепить слабый участок и стал возводить стену. Рекс сначала заинтересовался его работой, потом удрал в кусты, где было интересней, чем у кирпичей, и пахло кошками. Димка проводил его влюбленным взглядом.

Рекс был его гордостью. Это немецкая овчарка, породистый, умный и образованный пес. Если у Димки неполное среднее образование, то у его Рекса законченное высшее, полученное при клубе служебного собаководства. Напрасно отец побоялся пускать Рекса по следу – это он делать умел. Мог он отыскать спрятанную вещь, мог делать еще многое другое, что полагается всякому образованному псу. Кроме того, он вежлив, тактичен, никогда не лезет в разговоры старших, не задает глупых вопросов и не сует лапу в банку с вареньем. И даже рычит на Димку, когда тот занимается этим делом. Рекс и Димка – большие друзья, и один без другого не могут прожить и дня.

... Димка работал с увлечением, и крепостная стена быстро росла. Подошло время делать бойницы, Димка побежал за флигель, где валялись обрезки досок. Заглянув мимоходом в окна флигелька, он понял, что там давно никто не живет: на полу мусор, мебели нет, дверь на запоре.

Димка набрал дощечек и двинулся обратно к своей стене, возле которой стоял теперь какой-то длинный мальчишка и занимался странным делом – вытаскивал по кирпичику и бросал их под ноги. Вид у него при этом был задумчивый, словно мальчишка решал сложную задачу.

Испустив воинственный клич, Димка бросился на противника. Тот ловко увернулся и подставил ножку. Димка растянулся на земле. Мальчишка оседлал его, замолотил кулаками, но через минуту раздался его дикий вопль. Димка вскочил. Длинный лежал на спине с округлившимися от ужаса глазами, а над ним стоял, грозно рыча, Рекс. Димка оттащил пса за ошейник:

– Фу! Рекс, фу!

Мальчишка поднялся, тихонько охая. Димке стало жалко его.

– Больно? – участливо спросил он.

– «Больно»! – передразнил, приходя в себя, незнакомец. – На тебя бы такая страсть сиганула! – Он подышал, вытер нос и, шустро глядя черными глазками, быстро спросил: – Ты кто?

– Димка!

– А-а, новенький! Из третьей квартиры? А я – Мишка! Мы внизу живем, во второй!

– А ты зачем крепость сломал? – помолчав, спросил Димка.

– Я не сломал! – живо отозвался Мишка. – Я проверял. Не так ты делаешь! Крепость-то развалится! Нужно кирпичи по-другому класть, чтобы единого шва не было! По шву и развалится! Понял?

– Понял! – сердито ответил Димка, поглаживая Рекса, который уже успокоился и не рычал. – Ишь ты, изобретатель!

– Ой! – заулыбался мальчишка. – Откуда знаешь?

– Чего?

– Что меня изобретателем дразнят! Так прямо и дразнят: Мишка-изобретатель!

– А за что? – с интересом поглядел на мальчишку Димка, и тот, ковыряя ногой, сконфуженно и весело ответил:

– За разное!

Во двор вышла женщина лет сорока, неряшливо одетая, плохо причесанная, в чувяках на босу ногу. У нее было узкое лицо с блеклыми глазами, горбатый нос над тонкими губами.

– Юлька-воровка! – толкнул Мишка Димку. – Опять напилась! – И крикнул: – Тетя Юля! Как делишки?

– Фартово, Мишка! – сипловато ответила женщина и подошла к ребятам: – Ты, чернявый, где-то я тебя видела?

Димка вспомнил и сжался. Рекс тихонько зарычал, напряжился.

– Где бы ты его видела? – влез в разговор Мишка; он, видно, вообще не мог долго молчать. – Он только во двор вышел! Димка это! Из третьей квартиры!.. Рекс, молчи!

Он уже стал покрикивать на чужого пса, как на своего собственного. Димка нахмурился.

– Ишь, собачка, – пробормотала Юлька и, отойдя к забору, присела возле него на старое бревно и запела:

Фонарь качается, мильтон ругается,
Фонарь качается да на ветру...
А я, несчастная, торговка частная,
Стою и бублики я продаю...

Димка вздрогнул: песня вызвала неприятные воспоминания.

...Отец его, работник райкома партии, мотался по степным хуторам на стареньком пикапе по первым колхозам, только что организованным. Время было трудное. Кулаки открыто насмеялись над советской властью и колхозами.

Случалось, стреляли в активистов, травили скот, поджигали дома бедноты и колхозные амбары. Кулацкие сынки, наигрывая на гармошках, распевали на посиделках «Мурку», «Кирпичики» и вот эту – про торговку.

Помнит Димка, как на ночь закрывали они окна в доме тяжелыми дубовыми ставнями, чтобы не влетела кулацкая пуля. Отец, ложась спать, прятал под подушку наган.

Однажды он поехал на ближний хутор и прихватил с собой Димку. Около речки забуксовали. Шофер дергал машину взад и вперед. Надсадно гудел мотор, колеса, бешено вращаясь, поднимая тучи песка, вязли всё глубже и глубже. Наконец шофер выключил мотор, и люди вылезли из кузова. В это время из прибрежных кустов, с того берега, грянул залп. Один из активистов упал, обливаясь кровью. Димка испугался, но не закричал.

– Ложись! – толкнул его отец к колесу машины. – Голову не поднимай!

Димка хорошо помнит, как пули ударили по кузову машины, как отлетали от него щепки. Отец начал стрелять. Кое-как отбились. Вернулись в станицу – их дом сгорел. У плетня толпились люди. Накрытая куском холста, лежала у огорода бабушка: убили ее бандиты. А откуда-то из открытого окна долетала песня:

Берите бублики, гоните рублики...

Мишка тряхнул Димку за плечо:

– Ты что? Бледный весь стал! Чего ты, а?

– Ничего... – Димка провел рукой по лицу. – Песня эта...

– Ну и что! – приставал Мишка. – Дурацкая песня!

– Дурацкая... А какие тебе нравятся, Мишка?

– О-о! – Глаза Мишки сощурились от удовольствия. – «Тачанка» нравится, «Каховка» и про конницу Будённого! И эта еще... «Шел отряд по бережку, шел издалика, шел под красным знаменем командир полка...» Во песня!

Эти песни Димке тоже по душе, но он осторожно спросил еще:

– Мишка, а у тебя отец кто?

– Машинист он, в депо! – простодушно ответил паренек. – А мать на заводе. Уборщица она!

Димка улыбнулся своей подозрительности: лохматый, нечесанный, босой Мишка в полинявших от бесчисленных стирок штанах и рубашке никак не походил на кулацкого или буржуйского сынка.

Юлька, дремавшая у забора, шевельнулась:

– О чем чирикаете, чижики?

– Да так, – сказал Мишка. – Про кино говорим!

– Кино... – пробормотала Юлька и снова закрыла глаза.

Ребята отошли подальше к флигелю, присели на скамейку.

– Кто она такая? – спросил Димка про Юльку.

– Спекулянтка! – небрежно отвечал Мишка. – Селедкой торгует. И ворует помаленьку что попадет. Такая зараза!

– Селедкой? – удивился Димка. – Зачем? Ее ж в магазинах полно!

Мишка стал объяснять:

– В том-то и дело, что полно! Юлька наберет этой селедки, смажет ее постным маслом, чтобы пожирней казалась, – и на вокзал. Курортники, командированные всякие торопятся, хватают все подряд, а тут Юлька: «Кому селедочки? Залом каспийский, иваси!» Они, дураки, не соображают, что к чему. Спросят иваси – Юлька и сует им самую заржавленную! Залом – опять такую же самую! А сдерет в пять раз дороже!

Откуда-то с высоты балкона раздался женский голос:

– Михаил, ты опять привел какого-то хулигана! Да еще с собакой! Покусает народ!

Димка поднял глаза. На хлипком балкончике второго этажа стояла худая, высокая черно-волосая женщина в халате с широкими рукавами. Этот балкончик был совсем не нужен крепкому купеческому дому: видно, его приделали позднее.

– Чего орешь, карга! – проснулась Юлька. – Людям покоя не даешь!

– Эмилия Наумовна! – быстро прошептал Мишка. – Учительница музыки. Сейчас увидишь кино!

Юлька проворно устремилась к балкону.

– Я тебя вытряхну из твоего гнезда! Ишь, надела халат, царица!

Она стала раскачивать подпорки. Ветхий балкончик заскрипел, из прогнивших досок посыпалась труха.

– Лева! – проговорила Эмилия Наумовна плачущим голосом. – Лева! Эта пьяница нам балкон сломает! Позвони в милицию, пожалуйста...

На балкон несмело выглянул худой, бледный мальчик Димкиного возраста.

– Мама, не надо, тебе вредно, мама! – потянул он женщину в комнату.

Во двор из парадного стремительно вышла Екатерина Николаевна: видно, услышала крики.

– Что такое? – сурово спросила она Юльку. – Назад!

Рекс зарычал.

И неизвестно, кого больше испугалась Юлька, Рекса или Екатерину Николаевну, – она поспешно спряталась в своей комнатенке.

– Здравсте! – проговорил Мишка, кивая головой.

– Здравсте! – внимательно оглядела его Димкина мать.

Потрепав на ходу Рекса, она прошла к себе. Пес поспешил следом: он проголодался. Мишка вздохнул и проговорил с уважением:

– Строгая у тебя мамаша.

– А то! – гордо ответил Димка. Он искоса поглядел на нового приятеля: рассказать ему про жуликов да про Юльку, в которой он узнал ту женщину? Вдохнул: нет. Слишком уж этот Мишка суетлив. Не внушает он большого доверия.

Юлька-«активистка»

– Ребята, обедать! – позвала из окна Екатерина Николаевна.

– Пошли! – пригласил Димка: на той квартире у них столовались все его друзья-товарищи. И тут его очень удивила девчоночья застенчивость Мишки:

– Да не-е... Неловко...

– Пойдем! «Неловко»... – усмехнулся Димка и подтолкнул Мишку, которому страсть как хотелось поглядеть жилище нового приятеля.

– Руки! – суровым докторским голосом произнесла Екатерина Николаевна, и Мишка с испуганным видом отправился умываться.

Когда все чинно сидели за столом, Рекс вдруг рванулся в прихожую. Димка вскочил следом и успел заметить в дыре от замка чей-то большой испуганный глаз. Он рванул дверь. Юлька суматошно топала по лестнице. Хлопнула ее дверь.

– Ты куда это? – удивленно спросила мать.

– Да так, – рассеянно ответил Димка.

После обеда они вышли на улицу: Рекса нужно было отвезти к ветеринарному врачу.

– Проводишь? – спросил Димка Мишку.

– Провожу! – охотно ответил тот: ему спешить некуда.

В приемной врача ожидали очереди три старушки и старичок. Все они сидели вдоль стен и держали на коленях корзинки. Из двух корзинок выглядывали круглые кошачьи мордочки, из третьей – маленькая собачка. Старичок держал клетку с попугаем.

Увидев громадного Рекса, собачка испуганно и визгливо затыкала, кошки зашипели. Старушка с собачкой вскочила, корзинка упала, и собачонка вывалилась. Рекс слегка придавил ее лапой, и она завизжала так, что зазвенело в ушах. Дремавший старичок ошалело захолопал глазами, клетка покатила, сидевший в ней попугай хрипло заорал:

– Дурак! Хам! Лапотник!

– Цыц, Деникин! – Старичок накрыл клетку платком, попугай утих.

На пороге появился врач.

– Кто шумит? – строго спросил он. – Кто кричит «дурак»?

– Он, – кивнул старичок, показывая на попугая.

– Ваш ученик? – с неодобрением покосился доктор.

Старичок вздохнул:

– У белого офицера, говорят, жил он, у него и выучился. Хотел выбросить, а внука говорит – жалко. Ее птичка...

Мальчишки дождались своей очереди и прошли в кабинет. Рекс и Димка вели себя чинно, а Мишка-изобретатель залез в инструменты, за что был выгнан из кабинета и мог только заглядывать в дверь.

– Как зовут? – спросил врач.

– Димка! То есть Дмитрий.

– Не тебя! Собаку!

– Рекс, – смутился Димка.

Врач долго, внимательно осматривал Рекса, потом сказал, что собака здорова, что из-за пустяковой ссадины приходить, может, и не следовало бы, но он ценит Димкину заботу о своем друге.

– О, вообще-то это замечательный пес! – слушал Мишка, наполовину уже залезая в кабинет и одобрительно кивая. – Замечательный!.. Ну, давай лапу!.. – И доктор с удовольствием пожал крепкую лапу Рекса. – Стой! – приказал он Мишке, когда тот попытался сбежать. – Подойди!

Посмотрел на мальчишку добрыми глазами Айболита и покачал головой:

– Уши мыть надо, понял? И есть больше! Ясно?

– Угу! – мотнул нечесаной башкой Мишка.

– Марш! – приказал доктор, и мальчишки вышли на улицу под серое горячее небо.

У калитки они увидели рослого крепкого паренька в синих штанах и красной выгоревшей майке.

– Васька! – обрадованно закричал Мишка, словно стоял он не в двух шагах, а за версту. – Васька, привет! А это – Димка! Из третьей квартиры! А это – Рекс! Наша собака! Во собака! Ученая!

Васька внимательно, цепко посмотрел на собаку, на Димку, и тот понял, что перед ним человек самостоятельный, знающий себе цену.

– Хорошая собака, – кратко сказал Васька и больше – ни слова, хоть Мишка вился возле него винтом.

– Пошли к нам! – предложил Димка. – Удочки возьмем – и на Волгу!

– Пойдем! – заторопился Мишка. – Вот здорово, Васька, а! Пойдем!

Тот подумал, взглянул на небо и пожал плечами, что, видно, означало у него: «Ладно!»

Димка провел их в кладовку, где хранилось у него целое богатство: настоящие бамбуковые удочки, сетки, бредень и много других столь же ценных и необходимых предметов, при виде которых у Мишки разом вылетели все его слова, а молчаливый Васька уважительно протянул:

– Да-а!

Вдруг Рекс зарычал в сторону двери. Опять мелькнул в дыре Юлькин глаз.

– Подглядывает! – сказал Димка. – Опять Юлька подглядывает!

– Ну и пускай! – пожал плечами Мишка. – Чего тебе бояться с такой собакой. – И он, осмелев, потянулся к Рексу, погладил – пес снисходительно разрешил эту вольность.

Погладил Рекса и Васька, без страха и подобострастия, и Димка удивился, когда увидел, как Рекс в ответ на это слегка вильнул хвостом.

«Смелый!» – с восхищением подумал Димка про Ваську, а еще подумал, что Ваське, пожалуй, можно будет рассказать про жуликов. И когда Мишка увлекся удочками, Димка шепотом поведал Ваське про воровской набег. Васька надолго задумался, а слухмяный Мишка, разбирая удочки, сказал:

– Это совсем не из домоуправления. Это Пашка Нуль! Я его по ботиночкам узнал! И по усикам! Ворюга и мошенник! Сидел не раз! Ты его опасайся...

«Тебя еще опасаться надо, болтуна», – в сердцах посмотрел на него Димка и подсадовал на себя, что так опростоволосился.

– Ничего! – не умолкал Мишка. – Мы ее отучим заглядывать! – Он вытащил из кармана самопал-дробовик собственного изготовления и повертел перед Димкиным носом. – Видал? Только сунется, а мы – бабах! И готово!

Васька хмыкнул, а Димка поежился:

– Придумал тоже! Так и убить можно! Или глаз вышибить!

И ему представилось, как Юлька-воровка, обливаясь кровью, лежит возле их двери, а отовсюду сбегаются люди.

– Так мы ж холостым! – заволновался Мишка. – Набьем побольше серы от спичек и бабахнем!

– Бабахал уже – чуть школу не спалил, – сказал Васька, и изобретатель смущенно умолк. А Васька предложил пока что замазать чем-нибудь дырку, чтобы Юлька не заглядывала.

– А потом замок вставим – и все в порядке!

Димка залепил дырку красным сапожным кремом.

...А тем временем Юлька занималась непривычным делом. Во время очередного похода по базару она нашла значок. Прочитала на нем буквы «ГСО» и задумалась. Потом остановила какую-то девушку:

– Эй, что это, а?

– Готов к санитарной обороне! – сказала та и, оглядев Юльку, хмыкнула: – Вам бы, тетя, лучше значок «Ворошиловского стрелка»!

– Ладно! Ползи, мокрица, дальше!

Юлька вспомнила, что такие же значки были у активисток из Общества Красного Креста, которые собирали средства в помощь каким-то голодающим. Тогда Юлька прогнала активистов, а теперь задумалась, и тусклые глазки ее заблестели. Юлька купила газету и, сев в скверике, стала вдумчиво читать. Она узнала про наводнение в Бразилии, про голод в Индии, про пожары в дальних чужих краях и удивленно покачала неприбранной головой:

– Надо же, сколько в мире несчастий!

А придя домой, надела лучшее и единственное свое платье, приколола значок и, оглядев себя в зеркало, отправилась на промысел.

... Лева Грановский сидел на балконе и ел хлеб с луком. Кто-то завозился внизу, и скоро показалась Димкина голова. Димка взобрался по столбу, подпирающему балкон, и с удивлением смотрел на бледного, худосочного мальчишку, который еще не появлялся во дворе.

– Привет! – улыбнулся Димка. – Ты чего не гуляешь?

– Дерется, – тоже улыбнулся в ответ Лева и принялся грызть луковицу.

Димка влез на балкон и, склонив голову, с интересом смотрел на Леву.

– Кто дерется, Мишка?

Лева мотнул головой.

– Ну и врежь ему! – запальчиво сказал Димка, но тут же понял, что такой тихоня ни врезать, ни даже заорать как надо не сможет. – Лук? – спросил он.

– Лук. Хочешь?

– Да ну. Он горький!

Они помолчали. Мишка с Васькой убежали по каким-то домашним делам, и Димка вынужден был коротать одиночество с этим мальчишкой, от которого, видно, никакого толку.

– Ты почему не загорает? – строго спрашивал Димка, и Лева охотно отвечал:

– Мне нельзя, у меня легкие слабые...

В дверь постучали, и вошла Юлька-воровка в голубом маркизетовом платье, помолодевшая и даже как будто красивая. Лева во все свои большие глаза уставился на нее. У Юльки через плечо висела сумка с красным крестом, на ногах – белые босоножки.

– Как твои фамилии? – строго спросила она Леву, будто незнакомого.

– Грановский, – тихо отвечал Лева.

– А твое? – спросила Юлька Димку.

– Климов! – сказал тот.

– Так и запишем! – Юлька вытащила тетрадку, карандаш, поплюнула его и стала коряво выводить букву за буквой.

– Как в первом классе! – усмехнулся Димка, глядя на каракули.

– Цыц, мокрица! – прикрикнула Юлька и, закончив писать, строго приказала Лева: – Зови мать!

– Вы же знаете, она на уроках, – вежливо ответил Лева, и Юлька притворно огорчилась:

– Ах ты господи! Ну ладно. Я от Красного Креста. Собираю деньги детям. Которые в Индии голодают! Все вносят! Вы одни остались! Тащи!

– Чего? – осторожно спросил Лева.

– Чего-чего! Деньги тащи!

– Но ведь мамы нету...

– А ты маленький? Не знаешь, где они лежат?

– Знаю... Но без мамы не могу...

– Крохобор! Голодным детям! – презрительно сказала Юлька, и Лева начал краснеть. – Жадный ты! Как и мать твоя!

– Вы маму, пожалуйста, не трогайте, – тихо попросил Лева, а Димка возмущенно смотрел на него, слушал: он бы ей так ответил! Ишь, пришла! Деньги ей давай! Нашла дураков!

Юлька, присев к столу, перебирала альбомы с марками, качала головой, казалось, забыв, зачем она явилась. Вдруг спросила:

– Правда, что марки продать можно? И за большие деньги?

– Правда, – кивнул Лева.

– Ладно, – сказала Юлька, вставая. – От вас, жадин, ничего не добьешься. До свидания!

А ты, Климов, готовься! К тебе приду!

– Щас, придешь, – пробормотал Димка и в ту же минуту услышал, что за дверью кто-то заиграл на пианино. – Ой, кто это?

– Виолетта, – ответил Лева, косясь на Юльку, которая снова занялась марками.

Ноги сами понесли Димку в другую комнату, Лева неуверенно пошел за ним.

В комнате было тесно и как-то неудобно. У окна стояло пианино, за ним сидела совсем взрослая девочка: черные волосы, стянутые алой лентой, смуглое загорелое лицо, гордая посадка головы.

«Задавака!» – подумал Димка.

Девушка обернулась, весело сморщила нос.

– Здравствуй! – приветливо сказала она. – Ты кто?

Пока Димка раздумывал, как отрекомендоваться, Лева тихо сказал:

– Это Димка, сосед напротив. – И, подумав, добавил: – Не дерется.

– Ого, какая яркая личность! – усмехнулась Виолетта, внимательно и чуть-чуть насмешливо рассматривая Димку, который, неизвестно почему краснея, подумал вдруг: «Красивая...»

– Сестра, – с гордостью сказал Лева.

– Садись! – кивнула Виолетта, но Димка увидел во дворе Ваську и Мишку, которые нетерпеливо глядели на его окошко.

– Не-е, – сказал он. – Я пошел!

– Иди, – ответила Виолетта, как-то сразу потеряв к Димке всякий интерес.

Ребята вернулись в другую комнату. Юльки уже не было.

– Посмотри-ка альбомы! – сказал Димка. – Может, стащила!

– Что ты, – как-то робко улыбнулся Лева. – Разве можно?..

Он нерешительно приблизился к столу, взглянул на альбомы с марками, и лицо его, и так не розовое, залила синева.

– Нету, – поднял он на Димку беспомощные глаза. – Лучшие мои марки...

Димка не увлекался такой чепуховиной, не знал цены маркам, но Левина беда тронула его до глубины души.

– Погоди-ка! – решительно бросил он и побежал во двор. Быстро рассказал товарищам про Юльку и про марки.

– Пошли! – взвился Мишка. – Мы ей!..

Но рассудительный Васька досадливо свел выгоревшие брови:

– Не спеши... Марки она теперь уже спрятала, как она их взяла, никто не видел, так что же делать?

– Полицию звать! – нахмурился Димка, но ребята так насмешливо посмотрели на него, что он замолчал.

...Долго сидели они в Димкиной квартире, где было не так жарко, как на улице, и раздумывали, как выманить у Юльки марки. Мишка быстро разгорелся и так же быстро остыл. Он ныл, что нечего возиться с марками, притом чужими, а нужно поскорей забрать удочки и бежать на Волгу.

Пока спорили, на лестнице раздались осторожные шаги, и кто-то стал выковыривать сапожный крем из дырки.

– Она! – прошептал Димка, поглаживая, успокаивая Рекса.

Васька, набычась, пошел было к двери, но Мишка, выхватив свой самопал, опередил его, уставил ствол в дыру, чиркнул коробком. В прихожей гулко ахнуло, Рекс залиvisto залаял, а на лестнице кто-то истошно завопил:

– Караул, убили, люди добрые!..

Ребята выскочили на площадку. Там стояла Юлька и держалась обеими руками за лицо, залитое кровью. Мишка заорал громче Юльки, у Димки подкосились колени, один Васька сразу сообразил, что это не кровь, а бордовый гуталин, который выстрелом выбило из дыры.

– Стой, не кричи! – приказал он, и Юлька послушно опустила руки и заморгала. – Давай марки! Ну! Живо!

Юлька оторопело полезла за пазуху и вытащила альбом.

Васька взял его и строго сказал:

– Иди мыться!

Тут только Юлька разглядела, кто перед ней, увидела, как безнадежно испорчено ее платье, и яростно заорала на ребят. Мишка, широко раскрыв глаза, с интересом слушал визгливую ругань, а Васька тихонько и как-то очень спокойно заметил, что хорошо бы спустить сейчас Рекса, который скребется да гавкает за дверью. Юлька, услышав про Рекса, скатилась в свою каморку.

– Ну и дела! – захохотал Мишка, приглашая и остальных повеселиться вместе с ним. – Как я ее! А? Сразу марки отдала!

Васька оборвал его смех, крепко стукнув Мишку по затылку – тот испуганно присел.

– Ты! – сказал Васька. – Думай сперва! Ломоносов!

Димка понес альбом к Леве. Ни Васька, ни Мишка не пошли с ним: один вообще не больно любил шляться по домам, когда на улице такое солнце, другой боялся явиться перед Левиной матерью, давно грозившейся надрать ему уши за драку.

Лева все так же грустно сидел на балконе и грыз луковицу. В соседней комнате играла Виолетта. Эмилия Наумовна, видно, только что пришла и смотрела на Димку с вопросом, высоко подняв красиво подрисованные брови.

– Вот, – сказал он, кладя альбом на стол.

Лева оживился, тонкими пальцами схватил драгоценные марки, щеки его вспыхнули.

– Мама – сказал он, улыбаясь, – это Димка! Он марки принес! Понимаешь?

– Дима, – грустно посмотрела Эмилия Наумовна. – Хороший мальчик...

И она погладила Димку по голове, чего не рисковала делать даже родная мать. Димка вспыхнул, опрометью вылетел из комнаты, в которой раздался серебряный смех Виолетты.

Лева

Было то жаркое полуденное томительное время, когда лень не то что двигаться, но даже говорить и думать. Ребята валялись на траве в тени флигеля и смотрели в небо.

Рекс лежал рядом, дышал тяжело, далеко высовывал красный язык. Тихо и тоскливо вокруг. Даже Юлька куда-то пропала. Даже Виолетта перестала играть. И ласточки не носились в воздухе. Скучно. Душно.

– Может, к Левае пойдём? – предложил Димка, и только Мишка нашёл силы фыркнуть.

С Левоу не стал бы дружить ни один уважающий себя парень. Мальчишки, с которыми знался Мишка, были ярые драчуны и задиры, каждый умел постоять за себя и за друга. Случалось, дрались без всякой причины, «на любака». Это была своего рода игра, разновидность бокса. Дрались по соглашению, до первой крови, до тех пор, пока один из соперников не сдавался: лежачего не били.

Городские мальчишки жили привольно и независимо. Ходили ватагами, оберегали свои улицы от чужаков, гоняли на пустыре мяч или целыми днями пропадали на Волге. Плавать умели все, и поэтому неплавающий Лева вызывал чувство жалости. Это был какой-то не такой мальчишка – не бегал, не прыгал, не орал, сидел большей частью дома да пиликал на скрипке. Когда ему становилось невмоготу, Лева выходил за калитку или тихонько садился на лавочку во дворе. Сам он к мальчишкам не подходил, а они его не звали, только насмешливо поглядывали издали, смелые да расцарапанные. Если кто-нибудь и подходил к Левае, то он краснел и смущался, что совсем уж было чудно. Когда с Левоу заговаривали, он помалкивал или отвечал что-то невнятное, и мальчишкам казалось, что он задаётся. Кончалось тем, что самый шустрый парень, вроде Мишки, давал Левае затрещину, и он уходил в подъезд, смешно волоча ноги. Мальчишки покатывались, а Лева после этого долго не появлялся во дворе. Чудной, непонятный человек!

Два раза в неделю он, правда, выходил в кино, но и то не как все нормальные люди. Ребята, презирая билетеров, лазили в летний сад через забор, а Лева тащился с мамой, едва ли не за ручку, – за такое нахальство ему долго свистели вслед. Лева дергался, озирался и горбился. И вот теперь Димка предлагает идти к этому хлюпику!

– Свяжешься с ним – он «мама» закричит! – проворчал Мишка, хотя Лева никогда никому не жаловался.

– Хватит лежать, – сказал, поднимаясь, Васька. – Айда на Волгу!

– Айда! – подхватил Димка и вдруг замер, оторопев.

Из подъезда вышли Виолетта и Лева. Девушка была чудо как хороша и нарядна в темно-вишневом шелковом платье и туфлях-лодочках. В ее волосах алела все та же лента. Мальчишки рядом с ней выглядели очень бледно.

– Здравствуйте! – сказала Виолетта, улыбаясь. – На речку?

– Ну! – небрежно ответил Васька, босой ногой ковыряя пыльную траву.

– Леву возьмите! – деловито приказала она. – Да, пожалуйста, приглядите за ним, чтобы чужие ребята его не обидели.

«Сдался он!» – только что хотел в сердцах отрезать Мишка, но Васька неожиданно пробурчал:

– Ладно!

– Пошли! – улыбнулся Димка.

Лева с облегчением вздохнул и проямлил:

– Пошли...

Виолетта потрепала его волосы, подмигнула мальчишкам и пошла к калитке, прямая, тоненькая, гордая. Волосы вились по плечам.

– На танцы, что ли? – неприязненно проговорил Мишка, и Лева тихо ответил:

– Нет, не на танцы. Она, видите ли, в аэроклубе занимается.

– Это как же? – удивился Мишка, которому очень не понравилась чудная речь Левы: все эти «видите ли» и прочее.

– Понимаешь ли, – тихо объяснял Лева, – она пилотом будет.

– Летчиком? – удивился Димка. – Куда ей, девчонке!

– Почему ты так говоришь, – пожал плечами Лева. – Женщины и трактор водят, и самолет. Виолетта уже летает.

– В чашке ложкой! – хмыкнул Мишка, но Димка понял: Лева не соврал.

Понял это и Васька: он с уважением посмотрел на Леву:

– Молодец...

– «Молодец», «молодец»... – бормотал Мишка, пыля впереди. – Поглядим, как запоешь ты на Волге!

Лева шагал рядом с Васькой, неуклюже поднимая ноги, боясь набрать песку в сандалиии. Рекс тащился позади всех: ему в такой шубе было очень жарко.

– Сними штiblеты! – заорал Мишка. – Вышагивает! Глядеть тошно! Гусь!

И, передразнивая Леву, он показал, как тот вышагивает.

– Хорошо, я попробую, – кротко согласился Лева и послушно разулся.

Ногам, не привыкшим к горячему песку, было тяжело. Лева шагал на цыпочках, часто перебирая ступнями, отчего выглядел еще смешнее. Мишка покатывался. Рекс с недоумением смотрел на него.

Когда они спустились к реке по шаткой деревянной лестнице, как раз шел большой грузный пассажирский пароход «Спартак». Ребята разделись, бросились в воду и поплыли наперегонки, чтобы успеть вдоволь накачаться на волнах.

Рекс осторожно поплавал у бережка, вылез, отряхнулся и улегся рядом с Левой, беспокойно глядя на ребят. Вдоволь накупавшись, они вылезли и улеглись на песок. Зубы их стучали.

– А ты чего, как гриб, панамкой накрылся? – ехидно спросил Мишка. – Лезь!

Лева очень послушно снял панаму, разделся и, сложив аккуратно на песке брюки и рубаху, белея незагорелым телом, побрел в воду.

– Ой, мама! – захохотал Мишка, глядя, как опасно барахтается Лева у берега. – Ой, лягушонок!..

– Отвяжись, прилипала! – тихо сказал Васька, но Мишку трудно так сразу унять. Он вскочил, кинулся в воду и сильно толкнул Лева на глубину, заорав на всю речку:

– Учись, заморыш несчастный!

Лева тихо и как-то очень покорно пошел ко дну, не пикнув.

– Ой! – прошептал Димка, вскакивая, но мимо него к воде уже мчался Васька, за Васькой – Рекс.

Мишка бестолково махал руками, что-то вопил и таращил глаза. Брызги летели над ним. Васька нырнул и вытащил Лева. На руках донес его до берега, уложил в тени чахлых кустов.

– Ничего, – бормотал Мишка, пританцовывая. – Подумаешь, лягушонок, и нахлебаться не успел как следует!

– Убить тебя мало! – сказал ему Васька и уселся над Лева, ошалело таращившим глаза. – Ну, как ты?

Лева покривил бледные губы.

– Темно там, – пробормотал он, передергиваясь. И вдруг заплакал.

– Ну и ладно реветь-то! – издали сказал Мишка, не решаясь подойти. – Что ты как девчонка!

Васька нехорошо взглянул на него – Мишка убежал еще дальше.

Потом они вместе долго лежали на берегу. Лева вздыхал и подрагивал и все просил:

– Вы уж маме не говорите, а? Пожалуйста!

– Ладно! – пообещал Мишка. – Не скажу, может быть.

– Не скажет, – медленно проговорил Васька, показав Мишке полновесный кулак. – И повернулся к Лева: – Как, полегче? Идти можешь?

– Могу... – Лева встал. Отошел несколько шагов от Волги, оглянулся: – А плавать я научусь! Честное слово! – И покачнулся.

Димка с Васькой едва успели подхватить его под руки, Лева повис мешком. Пришлось опять возиться с ним, поливать ему голову из его же панамы, дожидаться, пока мальчишка окончательно придет в себя и сможет стоять и двигаться.

– Да-а, – протянул Васька, когда они вернулись. – Я с тобой займусь.

– Ладно, – покорно кивал Лева.

Танцы

Димка сидел на диване и смотрел, как Екатерина Николаевна собирается на работу. «И чего она возится? – недоумевал он. – Взялась подметать. И зачем? Все равно к вечеру опять мусор наберется! Нет, любят эти женщины лишнюю работу находить!»

Наконец мать ушла, наказав Димке кучу дел; он кивал, нетерпеливо поглядывая в окошко. Едва шаги Екатерины Николаевны затихли, Димка, прихватив Рекса, выбежал во двор, где уже дожидались его друзья: они собрались на рыбалку.

Но планы спутались вдруг. С балкона квартиры Грановских их ласково окликнули:
– Мальчики! Зайдите!

Ребята повертели головами: к кому такое обращение? Да, Эмилия Наумовна смотрела на них и улыбалась. А ведь мальчишки опасались, что после речки будет у них с Левиной матерью совсем другой разговор.

– Пошли? – спросил приятелей Димка. – Я только Рекса домой отведу.

– Чего я там не видел! – дернул плечом Мишка. – От ихней музыки в ушах звенит!

А Васька молчком встал и пошел в гости. Нечего делать, Мишка потащился следом за атаманом. Вошел последним, с большой опаской.

Лева лежал на постели, а Эмилия Наумовна сидела рядом с ним на стуле. Из другой комнаты доносилась музыка, и Мишка недовольно поморщился: терпеть не мог этого грохота!

– Проходите, садитесь, – пригласила Левина мать. – Мне сын все про вас рассказал.

– Понятно, – пробормотал Мишка, на всякий случай пятясь к двери.

– Вы хорошие мальчики, – продолжала Эмилия Наумовна. – И он очень хочет с вами дружить. Трудно ему... Если бы папа был жив...

Голос Эмилии Наумовны прервался, она поднесла платок к глазам.

– Мама! – раздался из другой комнаты голос Виолетты, и Эмилия Наумовна испуганно посмотрела на соседнюю дверь.

– Да мы чего, мы ничего... – пробормотал Мишка. – Мы всегда... Будем на речку ходить!

– Ой, что вы! – замахала руками Левина мать. – Он после той речки никак в себя не придет: солнце его нажгло! А ему на солнце вредно. Вы, если хотите, приходите к нам: у нас книжки, читать будете, играть. А? Миша?

Мишка повел взглядом по книжной полке, скривился и захотел на волю.

– Ладно, там поглядим, – сказал он, толкая дверь.

– Спасибо вам! – неизвестно за что благодарила ребят Эмилия Наумовна.

А Мишка во дворе долго хохотал и на разные лады повторял:

– Мальчики! Приходите к нам. Книжечки будете читать, картиночки глядеть, в куколки играть!.. Ох, сдохну, братцы!

Димке это надоело, а Васька глядел-глядел да и сказал:

– Ну и хватит, балда!

Мишка обиженно замолчал и надулся.

К Лева больше не приходили. Целый день. До самого вечера. Они сидели у беленького флигеля, молчали. Идти было некуда. В кинотеатре «Спартак» закончился последний сеанс, а там пора на боковую.

– Скоро в школу, – вдруг вспомнил Димка, и Мишка зашипел на него рассерженным гусаком:

– Вспомнил! Все настроение отбил, дурак!

Васька засмеялся:

– Испугался? Неохота в школу?

– А кому охота! – ответил Мишка. – Уроки учи, и все такое! Мать ругаться будет: «Опять ты бездельничаешь, анчутка!» А в школе – училка!.. Да ну их всех совсем!

«Да, разленился я за лето, – подумал Димка. – Придется поднажать».

В его семье все учились. Мама, окончив институт, помогала отцу, и до поздней ночи, бывало, горел свет в их комнате.

– Дураки мы! – сказал вдруг Васька. – Батяка мой все время толкует: «Учись, учись! Не будь темным, как мы». Он ведь с детства хребет ломал! У заводчика работал, во-от таким пацаном... Ох и били его!.. – Васька сжал кулаки и замолчал, потом насмешливо поглядел на Мишку: – А тебе, балде, наука сама в руки лезет, а ты рыло воротишь! Кто ж из тебя получится?

– Кто-нибудь уж получится! – проворчал Мишка. – Не хуже тебя будем!

– А твой отец, видно, шибко ученый? – спросил Васька у Димки, поглядывая на окно кабинета Максима Максимовича. – Как вечером к тебе ни придешь – он то пишет, то читает.

– Он рабфак окончил. Знаешь, как трудно ему было! А теперь дальше учится.

– Куда ж дальше? – искренне удивился Мишка, а Васька насмешливо сказал:

– А ты думал, дальше уж и некуда? Голова садовая!.. Я тоже буду инженером! – неожиданно закончил он, и Мишка выразительно хмыкнул.

Во двор начали выходить жильцы – посидеть перед сном на воздухе, посудачить. Димка присматривался к родителям Мишки. Отец его – пожилой, степенный и седоусый, все его называли Кузьмичом. Мать – бойкая, говорливая, так и сыпала словами – видно, в нее уродился болтливый сыночек! Внимательно слушала ее Эмилия Наумовна, изредка вставляла ученое словцо. Появилась даже Юлька-воровка, трезвая и потому сердитая, уселась, закурила. Женщины с неодобрением поглядывали в ее сторону. Последним вышел Лева, подошел к ребятам. Они потеснились на бревне.

– Ну как, ожил? – хлопнул его по плечу Мишка. – Опять плавать будем?

– Будем! – твердо ответил Лева, и Мишка хихикнул.

Васька помалкивал: его родители жили в старой школе и сюда не выходили.

Во дворе появилась Виолетта, и все уставились на нее, нарядную, веселую.

– А мы сегодня с парашютом прыгали! – звонко сообщила она, и Эмилия Наумовна охнула, а Васька с уважением посмотрел на тоненькую девушку.

– Молодец, девка! – сказал Кузьмич. – Иные и парни, а не такие! – И он поглядел в сторону своего непутевого Мишки.

А Виолетта, забежав на минуту в дом, тут же вернулась, таща патефон и пластинки.

– Вечер танцев! – объявила она. – Мишка, крути машину!

Мишка, посапывая от сознания серьезности порученного дела, занялся патефоном. Виолетта вытащила пластинку, поглядела и, поставив ее на диск, сказала:

– Фокстрот «Му-му»! Пошли, Дмитрий!

– Что ты! – испугался и отскочил Димка. – Я не умею!

– Научишься! – тащила его в круг Виолетта. – Каждый мужчина должен все уметь!

– Ну да! Дрыгать по-козлячьему?

– И дрыгать! – не отпускала Виолетта, притискивая Димку и заставляя его «дрыгать» вместе с ней.

Мишка хлопал в ладоши, не хохотал, а ржал, задирая длинные ноги. Юлька смотрела угрюмо, дымила папиросой.

– Давай-ка, Виолетта, вальсок, – неожиданно попросил Кузьмич, и, когда девушка поставила новую пластинку, он галантно пригласил Эмилию Наумовну.

– Во как! – удивился Мишка, открыв рот.

Виолетта опять схватила было Димку, но он, глядя прямо в ее черные колдовские глаза, испуганным шепотом сказал:

– Честное слово! Не умею я вальсы!

– И темнота ты, Димка! – засмеялась она. – Я-то думала!..

– Чего?

– Да так, ничего...

Они уселись на бревне. Димка, глядя на танцующих, спросил:

– А как же... та музыка и эта? Пианино и патефон! Танцы и самолеты?

Она насмешливо посмотрела на Димку и ничего не ответила.

Появились и Димкины родители. Сперва осмотрелись, а потом тоже стали танцевать – совсем как на той, на старой, квартире, где тоже устраивались такие же вечера. Только там было народу куда больше и ребятня вертелась под ногами, а тут людей совсем мало, и все не с одного завода, все разные, и вдалеке сидит Юлька, совсем непонятная особа.

А Эмилия Наумовна, глядя на Димку, думала о том, какой это приличный, не похожий на остальных мальчик. И как было бы хорошо, если б он подружился слевой! Что могут дать Леве Мишка да Васька? Ничего путного! Бесцельное шатание по городу, топтание возле футбольного мяча, драки, Волга, улица! Господи, где найти тихий уголок, мирную, покойную жизнь!.. Вон ее Виолетта уже уходит от нее в какой-то незнакомый, чужой мир, где парашюты, и самолеты, и страшные мертвые петли. Как уберечь Леву? Как оставить его подле себя?

Тайник открылся

Над лесом показалось солнце. На воду легла золотистая дорожка, перерезая курс речного трамвайчика. Мишка, Димка и Васька сидели под тентом на носу суденышка. Рекс дремал, положив голову на передние лапы. Максим Максимович смотрел на поблескивающую под солнцем воду, на лес, на голубое небо и радовался:

– Славный будет денек!

А еще он радовался тому, что наконец-то выбрался за город, на природу.

– Жалко, что Лева заболел, – сказал Димка. – Ему свежий воздух так нужен!

«Тащиться с ним!» – подумал Мишка, но вслух этого не сказал: Васька все последние дни очень заботился о Лева, учил его плавать, в чем малость переусердствовал: слабый ученик опять слег.

Трамвайчик подошел к глухой пристани. Путешественники сошли и, вскинув на плечи удочки, двинулись к лесу. Рекс с довольным видом шнырял по кустам.

Когда отшагали с километр, Максим Максимович сказал, вытаскивая карту:

– Ну-ка поглядим, где мы находимся.

Быстро расстелил карту на траве, отметил карандашом точку:

– Ага, мы вот тут. А идти нам сюда, к озеру.

– Чудно, – сказал Васька. – И как вы узнали?

Максим Максимович долго и терпеливо рассказывал Ваське про карту, а потом спросил:

– Сможешь провести нас к озеру?

– Не! – замотал головой Васька.

– Чтобы пользоваться картой, – сказал Максим Максимович, – необходим компас.

И он стал объяснять ребятам, как ходить по азимуту. Мишка деловито кивал, ничего не понимая, Васька посапывал, упрямо соображая, что к чему.

Потом снова тронулись в путь. Вскоре лес поредел, впереди показалось большое поле, где среди редкой травы, разбросав по земле плети и подставив солнцу полосатые бока, лежали арбузы.

– Бахча! – обрадовался Мишка и побежал на поле.

Скоро вернулся со здоровенным арбузом. Сияя, ожидал похвалы, но Димкин отец приказал:

– Положи-ка арбуз на место!

– Ну да! – удивился Мишка. – Вон их сколько! Никто и не заметит!

– А ты его тут сажал? – усмехнулся Максим Максимович. – Ты за ним ухаживал? И вообще за воровство в тюрьму полагается!

– Господи! – от души удивился Мишка и захлопал белесыми глазками. – Какое ж это воровство! Если б я вагон их стащил!

– Па-а, – протянул Димка, – арбуз-то все равно сорван. Давай быстренько слопаем, и все!

– Эх, Димка, Димка... – покачал головой отец. – Был я о тебе лучшего мнения!

– Клади фрукт! – приказал Васька, и Мишка с неохотой повиновался.

Они, как на грех, долго шагали мимо бахчи, пока наконец не поравнялись с шалашиком в тени деревьев на краю поля. Забрехала, выскочив, собачонка и поджала хвост, увидев Рекса. Показался заспанный сторож, подозрительно оглядел ребят:

– Небось за арбузами?

– Нужны нам твои арбузы! – в сердцах ответил Мишка. – Что мы их, не видали?

– Вижу, вижу, народ вы порядочный! – смягчился сторож, увидев с ребятами взрослого. –

Погодите-ка!

И, к великому удивлению Мишки, старик подал ему здоровенный арбузище, еле поднял от земли. Мальчишка даже спасибо забыл сказать, а потом, с удовольствием вгрызаясь в сладкую мякоть, все качал головой и бормотал, выплевывая семечки:

– Сам дал, надо же! Чудеса! Я и не просил! Почему дал?

– Очень ты ему, видать, понравился, – съехидничал Димка, и Мишка надолго задумался.

Солнце стояло уже высоко, когда подошли они к озеру. Там слышались всплески, круги расходились по воде. Димка и отец расположились на небольшом мыске, Мишка присел на каких-то мостках, проложенных через тростник, а Васька облюбовал себе место на обрыве, нависшем над водой.

Рекс лежал рядом с Димкой и не сводил взгляда с поплавок.

– Тихо, – сказал Димка, поглаживая его. – Сейчас рыбку тебе поймаю.

Поплавок едва заметно дрогнул и медленно пошел в сторону. Рекс замер, весь подавшись вперед. Поплавок дернулся и ушел под воду. Димка подсек и рванул удилище. Оно изогнулось, спружинило, выбросило из воды золотистого карася. Рекс бросился к нему, стараясь прижать лапами. Димка испугался, оттолкнул пса:

– Крючок проглотишь!

Он осторожно снял с крючка рыбку, бросил Рексу. Щелкнули крепкие зубы, и пес долго с удовольствием облизывался, потом занял свое место рядом с Димкой.

– Что, понравилось? – тихо спросил отец. – Ишь какой хитрый! Теперь на уху ловить надо!

...А вечером горел на берегу озера ласковый костер, булькала ароматная уха в ведерке, мерцали звезды, и жизнь казалась большой и прекрасной.

Максим Максимович разбудил ребят чуть свет. Поеживаясь от утренней свежести, выбрались из шалашика, наспех сооруженного вечером. Предрассветное небо было мутным и серым, над озером клубился туман. Даже здесь, на пустынном берегу, Максим Максимович не отступил от своих правил и заставил Димку делать зарядку. Васька присоединился к ним, Мишка, вдоволь похихикав, тоже стал неловко махать длинными, неуклюжими руками. Помахав, сказал удивленно:

– Во! И не холодно, и жить веселей!

Мальчишки затопали к берегу, разошлись по своим местам. Однако клевало плохо, утро пришло жаркое, безветренное. Ребятам скоро надоело сидеть неподвижно, и они полезли купаться. То-то шум и вопли раздались над тихим озером! Мишка орал громче всех, нырял, мелькая пятками, потом подплыл под обрыв и вдруг, замахав руками, полез на берег. Глаза его были широко раскрыты.

– Ты что? – удивился Димка.

– Там... – Мишка не мог выговорить слово. – Там... мертвец!

Димка лег на высокий берег, свесился, но ничего не увидел в густых кустах. Васька молчком вошел в воду, заглянул под обрыв, затененный кустами, и скоро вернулся, держа в руке человеческий череп с дыркой во лбу.

– Ой, мама! – испуганно глядел Мишка то на череп, то на Димкиного отца. – Что это?

– Это... – Максим Максимович осторожно принял череп, подержал его на ладони. Огляделся. – Здесь бои были... В Гражданскую войну... Видите?

Он показал куда-то, и ребята, поглядев, ничего не увидели, только какие-то бугорки да канавы, наполовину засыпанные, заросшие травой.

– Окопы, – сказал Максим Максимович. – Траншеи.

Мишка сбегал, поглядел и вернулся, тяжело дыша:

– Точно! Окопы! – Поежился: – Там небось этих, скелетов, полно валяется!

Отец вздохнул:

– Да, не всех успели схоронить... Сколько солдатских костей по степям да по балкам разбросано...

– И вы воевали? – спросил Мишка, и Максим Максимович молча кивнул.

...Когда усталые путешественники вошли к себе во двор, первым их встретил Лева.

– Эй, пловец! – обрадованно зашумел на него Мишка. – А мы во как время провели! Накупались! Наловились! Я во какого окуня выудил – все руки отмотал! Еле в ведро поместился! А еще мы череп нашли... Не веришь? Нет?

Лева отвел Димку в сторонку и взволнованно прошептал:

– К Юльке... этот приходил! Ну, «из домоуправления»!.. Всё вокруг болтались да на окна твои глядели... Я боюсь!..

– Слушай, Лева, чего ему надо, а? – нахмурился Димка.

Лева посмотрел по сторонам и увлек товарища подальше, в глубину двора.

– Клад он ищет! Понимаешь? Клад купца Прохорова!

– Какой клад? Откуда он тут? – пожал плечами Димка, и Лева ответил:

– Я тоже не очень-то верю, но все говорят... И мама моя... Купец будто бы клад где-то тут спрятал. Юлька весь флигель перевернула – ничего не нашла...

– Ладно, пока помалкивай, – сказал Димка.

– Ладно, а...

– Помалкивай, Лева!

И Димка решил проверить все сам. Когда оставался один, он лазил по подвалам и чердакам старого дома, в самых паутинных углах находил вместо клада дырявые ведра да банки, пока однажды его не осенило: Пашка искал в их квартире! «Постой-постой, – припоминал каждую мелочь Димка, – он стоял на табуретке вот тут, в углу, и смотрел на голову амура!»

Димка отыскал то место, поставил ту же самую табуретку и взобрался.

Амур лукаво и нахально смотрел прямо ему в глаза. А посреди комнаты, в центре, на потолке, Прометей все так же держал в зубах постылый крюк, и брезгливая гримаса искажала его удалую разбойничью физиономию. Димка посмотрел на Прометея, посмотрел на каждого амура – все амурь одинаковы, у всех такие же носы, глаза, завитки надо лбом...

Димка начал осторожно ощупывать гипсовую головку, надавливал на глаза, на нос. Амур ехидно улыбался, словно хотел сказать: «Что, не удастся?»

– Ну и черт с тобой! – с досадой пробормотал Димка и стукнул ладонью по толстой щеке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.